

Семь дней — 2002. — 2-8 окт. — с. 58-62

ИГОРЬ ЛИВАНОВ: «Я ДО СИХ ПОР НЕ ЗНАЮ, ПОЧЕМУ НЕ СЕЛ В ТОТ ПОЕЗД...»

Братья
Ливановы.
Аристарх
и Игорь.
в боевике
«Тридцатого
уничтожить!»
сыграли
мужественных
русских
командос

Акторов братьев Ливановых зрители знают хорошо. В основном по ролям людей сильных, с железной волей, не желающих сдаваться на милость победителю. Но если старшему — Аристарху — наравне с положительными персонажами довелось сыграть и немало отрицательных, то Игорю в основном достаются благородные рыцари. Такие, как его свичик Сергей Никольский из сериала «На углу, у Патриарших...». Герои Ливанова-младшего — мужественные, но при этом очень обаятельные, с мягкой улыбкой и почему-то всегда печальными глазами. Таков Игорь и в жизни. Он по-мужски красив, без слащавости, вот только глаза, куда более грустные, чем на экране. Когда узнаешь его историю, поражаешься, как человек, переживший столько горя, вообще способен улыбаться. Слушая Игоря, понимаешь, что такое христианское смирение и почему его называют подвигом. К Игорю понимание этого пришло из глубин его рода.

— Я с детства испытываю потребность быть в храме. В нашем роду по отцовской линии три поколения священнослужителей. Дед Аристарх Павлович был протоиереем. К сожалению, я его уже не застал. В 1937-м деду посадили, обвинив в антисоветской пропаганде и даже сотрудничестве с английской разведкой. Отец с матерью тоже люди глубоко верующие. Судьба свела родителей в Киеве во время войны: он лежал в госпитале, а она, лейтенант медслужбы, за ним ухаживала. Меня окрестили сразу после рождения. Как говорят на Украине, я еще был «из мовля». В те годы людей за подобные вещи жестоко преследовали. Тем не менее родители рано начали водить меня в храм. А вскоре я и сам стал бывать во Владимирском соборе, в Святой Софии, в храмах Киево-Печерской лавры. Мы жили в самом центре Киева, откуда до лавры — несколько троллейбусных остановок... Мне не стыдно признаться, что в 80-е годы я был секретарем комсомольской организации Ростовского драматического театра. Я был свой среди чужих. Старался помогать коллегам, которых преследовали, скажем, за то, что они окрестили ребенка. Актёров могли лишиться ролей. И я делал все, чтобы этого не произошло. В те годы члены бюро ВЛКСМ регулярно ходили по квартирам в поисках икон, крестиков. И попробуй их не пусти! Но побывав высокая комиссия в моем доме — и я бы не избежал наказания.

— Наверное, в детстве родители не знали с вами никаких проблем — вы были послушным ребенком?

— Родители всерьез занимались моим воспитанием. С трех лет прививали любовь к театру, в шесть лет отправили в Москву в музыкальный интернат хора Свешникова.

— Вы хорошо пели?

— (Улыбаясь.) Так хорошо, что меня приняли, несмотря на то, что мы опоздали на конкурс. А конкурс был — 100 человек на место. Пришлось мне несладко. Без мамы, без папы, пожаловаться некому, жизнь — по заведенному распорядку... К тому же интернат находился рядом с зоопарком, и воспитатели доводили нас до слез своими угрозами: «Будете долго гулять — крокодил вас съест». Сейчас родители показывают мне мои письма: «Пришлите денег, а лучше заберите меня отсюда». В этом году подобное сообщение из летнего лагеря прислал мне на мобильный мой сын Андрияша: «SOS!!! Забери меня отсюда!» Но ему 13 лет, а мне было всего 6, и тем не менее родители говорили: «Терпи!»

Чего я только не выпендривал в Москве! Однажды мы с ребятами собрали присланные родителями деньги и купили на все витаминов — так хотелось сладкого. От «конфеток» по телу пошли желто-фиолетовые пятна,

ТЕТ-А-ТЕТ

температура подскочила под 40, и нас всей компанией уложили в изолятор. В другой раз я отправился на археологические раскопки. Это было моим любимым занятием. Решил я их произвести на одной из московских строек. Ну меня и завалило по грудь. Засыпанный землей и песком, я простоял так часов шесть. Уже начало темнеть, когда педагоги нашли меня и с возгласами: «Жи-вой!» принялись откапывать. Так что продержался я в Москве всего год и счастливый вернулся в Киев — продолжать раскапывать все что попало. В те времена в Киеве было, как в Херсонесе: где ни копнешь — обязательно на что-то интересное наткнешься. Лет в 9 мне как юному археологу даже выдали постоянный пропуск в археологический и исторический музеи.

— *Так почему же вы не стали археологом?*

— Телевизор помешал. (Смеется.) После неудачного опыта с хором родители отправили меня на балльные танцы. А мне так хотелось чего-то настоящего, мужского. И я записался в секцию бокса. А во время Олимпиады я просто не отходил от телевизора. Мои кумирами стали Борис Лагутин, Валерий Попенченко. Мне так хотелось быть похожим на них — таким же мужественным, защищать знамена Родины. Я мечтал стать не просто хорошим спортсменом, а непременно олимпийским чемпионом. И решил посту-

«Родителям за восемьдесят, но они относятся друг к другу так же нежно, как и 58 лет назад, когда поженились». С папой Евгением Аристарховичем и мамой Ниной Тимофеевной

пать в институт физкультуры. Но к тому времени Аристарх уже окончил ЛГИТМиК, начал работать в театре, и мама попросила меня: «Попробуй и ты». Поехала со мной в Ленинград, во время каждого экзамена стояла за дверью, переживала; когда преподаватели попросили меня подстричься (я тогда носил волосы до плеч), тут же повела в парикмахерскую. А я был абсолютно уверен, что провалюсь...

— *Учились с такой же неохотой, как и поступали?*

— «Ботаником» не был, но получал повышенную стипендию ЦК ВЛКСМ. Я сразу попал в компанию взрослых однокурсников — Андрияна Толубеев уже окончил Медицинскую академию, Сережа Лосев — университет. А я был просто обеспеченным мальчиком, которому родители регулярно присылали деньги. Зная это, мужики каждый день задавали один и тот же вопрос: «Ну что, возьмем пивка?» Через полгода мне это надоело, и я вышел из компании.

— *Боялись спать?*

— Нет, это мне не грозило. Мой организм не воспринимает большие дозы алкоголя. Я никогда не напиваюсь. А вот испытать кайф от классных напитков — абсента, коньяка, виски или ликера — люблю.

— *Шиковать вы могли благодаря родителям. Они что, так хорошо зарабатывали?*

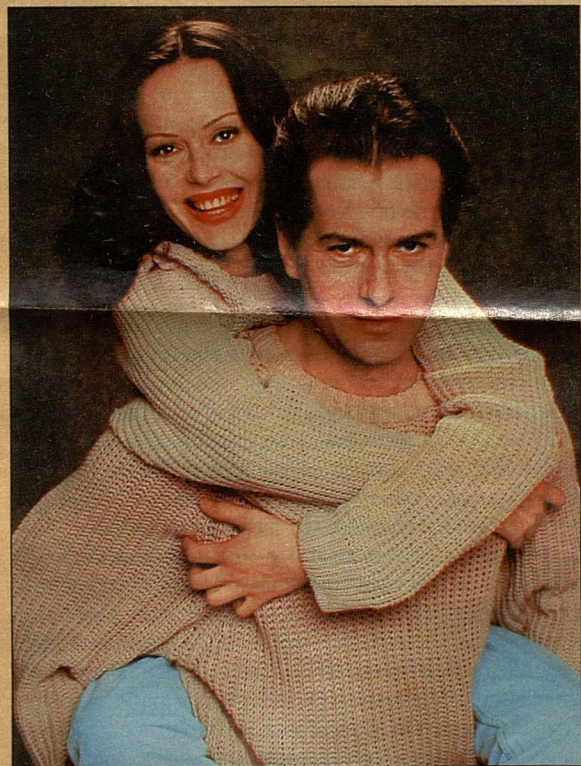
— Да. Они оба были актерами и очень много работали. Папа еще до войны служил в Саратовском драма-

тическом театре им. Карла Маркса. Иногда снимался в кино. Однажды вместе с мамой в картине «Обвиняется свадьба», а позже с Аристархом в фильме «Сад». Родители трудились с утра до ночи, и по тем временам действительно считались обеспеченными людьми.

— *Значит, вы были настоящим богатеем и вам вряд ли приходилось подрабатывать по ночам, как другим студентам?*

— Ошибаетесь. Приходилось. Когда пошли девушки, расходы увеличились. Вот и разгружал вагоны, сортировал почту... Я ведь в институте уже женился и должен был обеспечивать не только себя, но и супругу. Татьяна была моей однокурсницей из города с прекрасным названием Опочка. Все было так странно... Мы учились на втором курсе, когда друзья зачем-то разыграли меня, сказав, что Таня выходит замуж. Между нами еще ничего не было, мы не дружили, скорее наоборот, довольно холодно относились друг к другу. Но эта новость почему-то меня так расстроила, что у меня случился сердечный приступ. В 20 лет! Меня даже освободили от занятий... Вот что это было? Мистика? Предчувствие?

Прошло два года, прежде чем между нами возникли настоящие чувства. Их даже нельзя назвать романом. Это была совсем уж ошеломляющая страсть. Однажды после какого-то вечера я провожал Таню до дома (она снимала комнату вместе с Ларисой Луппиан

«Я слишком поздно понял, что все годы нашего брака меня просто обманывали». С бывшей женой Ириной Ливановой, теперь Безруковой

**«Жена... Любимая женщина...
Это очень ответственные слова.
Пока я говорю их Оле редко.
Я сделал ей предложение,
но мы приняли совместное решение,
что спешить с регистрацией не будем»**

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВ

— будущей женой Михаила Боярского. Так что в тот момент мы с Мишей ходили под одними окнами), и вдруг как будто искра вспыхнула... И все! Мы поженились. После института уехали в Ульяновск...

— **Возможности остаться в Ленинграде не было?**

— Нас звали в несколько театров. Мы снимали бы квартиру, может быть, даже что-то играли бы. Но приехал режиссер из Ульяновского театра: «У вас будут главные роли, вы получите жилье» — и мы сдались. Это была романтика, которая на месте оказалась жуткой реальностью. Середина 70-х. Голод — страшный. На базаре купить ничего нельзя. Из мяса продавалась только конина. И в то же время в театре проводились политзанятия: «А вот у одного инженера на таком-то

заводе нашли «Плейбой». Он был сурово наказан...» Родители, конечно, помогали. Мы держались. А через год в театр пришел новый режиссер-диктатор, и я решил, что пора уезжать. Хотя свободное распределение можно было получить только после армии.

— **Неужели отправились служить?**

— А что прикажете делать? Терпеть несправедливость? Несмотря на то что в 24 года я уже сложился как личность, армия была все-таки лучшим решением проблемы. Я попал в морскую пехоту на Тихий океан. В часть с регулярными боевыми тревогами и дальними походами. Близость границы, смерть Мао Цзэдуна, напряженная обстановка в регионе, отправка в Анголу — все это лишь обостряло ситуацию. Сла-

ва Богу, до Анголы я не доехал, нас развернули на полпути. Но армия стала для меня хорошей мужской школой.

— **Пока вы ее проходили, Татьяна жила в Ульяновске?**

— Да. Но когда вернулся, мы сразу уехали в Ростов-на-Дону. Играли очень много. Лучшие роли классического репертуара. Были по-настоящему счастливы, успешны. У нас родилась чудная дочка Олечка. Думаю, нам даже завидовали. А через 11 лет все кончилось. В один миг...

Был отпуск. Таня повезла дочку к своим родителям. Но уже на следующее утро мне позвонили и сказали, что надо ехать в Каменск (под Ростовом). Я еще не знал, что случилось... Это была крупная железнодорожная катастрофа. Сейчас я думаю, что произошел жесткий изворот судьбы: в последний момент у меня вдруг возникло желание поехать с ними, но я не поехал. До сих пор не знаю, почему. Татьяна хотела взять билет на другой поезд, а взяла на этот... Тоже непонятно, почему... Никогда в жизни я не найду ответов на эти вопросы...

— **Ирина Бахтура (сейчас Безрукова. — Т. П.) появилась в вашей жизни как раз в тот момент?**

— Не сразу. После свалившегося горя, когда я в одно мгновение потерял и жену, и дочь, все в театре принялись меня жалеть. Особенно старались актрисы. И делали это так нарочито, что становилось абсолютно ясно: они стремились во что бы то ни стало занять место Татьяны. А мне хотелось убежать куда-нибудь подальше — чтобы никого не видеть. Женским вниманием я никогда не был обделен, а тогда оно было явно чрезмерным. Я же долго вокруг себя никого не замечал. Но потом действительно влюбился в Ирину. Хотя сейчас мне очень неприятно об этом говорить.

— **О вашем разводе было много написано. Но в основном на эту тему говорила Ирина. А вы так и не высказали свою точку зрения.**

— Зачем? Вы считаете, это нужно поклонникам актера Игоря Ливанова? Поверьте, после всего случившегося они не стали любить меня меньше. Я же просто предпочел бы вычеркнуть тот период из своей жизни. Надеюсь, этим интервью мне удастся наконец поставить точку в бесконечных разговорах о моем разводе. Ведь уже фактически 4 года Ирина является женой другого человека. И дай Бог им здоровья и счастья...

Семьи бывают разные. Но мне не нравится, когда муж спонсирует поездки жены в Чехию к любовнику. Жена прощается с любовником, приезжает домой, целует мужа и, рассказывая якобы о похождениях подруг, на самом деле рассказывает о себе... У меня иное представление о браке, сложившееся из традиций моей семьи. Родителям за восемьдесят, но они относятся друг к другу так же нежно и с такой же любовью, как и 58 лет назад, когда поженились. Ирина же как будто жила в другом мире. Ей все время хотелось уйти от реальности — например, в хатха-йогу. Окончив курсы Центра Ха-

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВ

ТЕТ-А-ТЕТ

— Именно друзья помогали мне сначала снимать квартиру, а потом приобрести свою. Но те, кто бывал у меня, а потом рассказывал бывшей жене, что со мной происходит, перестали быть моими друзьями. Чистка была очень жесткая. Предательства я не прощаю.

— *После такого тяжелого развода вам, очевидно, не легко будет создать новую семью?*

— Инертность, конечно, присутствует. Я сделал своей девушке предложение, но мы приняли совместное решение, что спешить с регистрацией не будем. Лёка Петровна (домашнее имя спутницы Игоря Ольги. — Т. П.) не обижается, она у меня умница. С одной стороны, нас все устраивает, нам хорошо вдвоем. А с другой — я понимаю, что для женщины стать официальной женой — очень важный шаг. Лёка успокоится, будет чувствовать себя полноправной хозяйкой дома. И я думаю, скоро это все-таки произойдет. Хотя в 23 года ей непросто быть мне другом, единомышленником, опорой....

— *«Другом, единомышленником, опорой»... Но не женой, не любимой женщиной?*

— Жена... Любимая женщина... Это очень ответственные слова, я даже ей пока говорю их редко. Не считите за хвастовство, но я и сейчас избалован женским вниманием. Когда мы стали жить вместе, я задал Оле вопрос: «Тебе давать то, что мне присылают, — письма, романы в стихах?» Она сказала: «Да». Можете представить, каково девушке читать любовные признания ее мужчине! Это тяжело, неприятно. Но, мне кажется, лучше быть в курсе, чем строить догадки и ревновать.

— *Оля — не актриса?*

— Слава Богу, нет. Она юрист. В 15 лет окончила школу, в 18 — стала руководителем отдела финансовой компании. Очень серьезная девушка.

— *Где же могут познакомиться серьезная девушка-юрист и известный актер?*

— На дискотеке. (Улыбаясь.) Причем и я, и Оля были там единственный раз в жизни. После оформления развода мы с друзьями решили устроить мальчишник, чтобы весело провести время и познакомиться с хорошими девчонками. Так и вышло. У нас с Лёкой сразу начался бурный роман.

— *Вы радовались, что прежняя жизнь наконец закончилась?*

— Это была веселая горечь. А поскольку уходить с горя в запой я не умею, вариант был один — немного выпить и вдоволь повеселиться.

— *Игорь, простите, если вы с Олей поженились, ей, как молодой женщине, наверняка захочется родить ребенка. Вас не смущает 25-летняя разница в возрасте?*

— Нисколько. Могу даже признаться, что готов снова стать отцом. В конце концов, дети появляются и у супругов с гораздо большей разницей в возрасте. К тому же у меня хорошие гены. Маме 83 года, отцу — 86...

Татьяна ПЕТРОВА

барда, она стала там инструктором, начала водить туда сына. Этого я уже допустить не мог и даже готов был обратиться в ФСБ...

— *Но не это же стало поводом для развода!*

— Не это. Но причина и не в ее нынешнем муже, он здесь ни при чем. Я был серьезно болен. И болен до сих пор — у меня проблемы с позвоночником. Когда врачи поставили мне диагноз, она сознательно решила изменить жизнь. И даже говорила моим друзьям: «Не надо лирики! С ним же — все. А мне нужно как-то жить...»

— *В это сложно поверить. Неужели Ирина — такая жесткая женщина?*

— Да, она производит на людей иное впечатление. У меня самого было помутнение, когда друзья рассказали об этом. Мне тяжело говорить, я не привык жаловаться. Но когда ты в течение недели не можешь спать от боли, а твоя жена не подаст стакан воды и утром не спросит: «Как ты?» — разве это не предательство? Я слишком поздно понял, что все годы меня просто обманывали.

— *Все одиннадцать лет? Разве вы женились не по любви?*

— Теперь мне уже кажется, что с ее стороны этого чувства не было. Я же любил так, что способен был видеть то, чего нет, и не видеть того, что есть. К сожалению...

— *Ирина в своих интервью говорит, что вы подавляли ее...*

— Чем? Разве я требовал: «В театр — ни ногой! Сиди дома, занимайся ребенком»? В течение четырех лет

у нее было двенадцать заграничных поездок — с косметическим салоном, где она работала моделью, и на киносъемки. Я в это время готовил, убирался, водил ребенка в детский сад. Андрей неделями не видел маму. А может, подавлением считается то, что муж запрещает жене позировать и сниматься обнаженной? Но, мне кажется, это нормальная реакция. Какому мужику понравится, что его любимая женщина стремится оголять тело перед операторами, фотографами, художниками?

— *Сейчас вы часто видите с сыном?*

— Да, но хотел бы, чтобы он постоянно жил со мной. К сожалению, по нашим законам это невозможно. Ирина ведь вообще хотела запретить мне общаться с Андреем... Когда мы решили развестись, я собрал свои вещи и уехал, оставив квартиру ей и сыну. Хотя прежде мы договорились, что там не будет посторонних мужчин. А они были. Какое-то время квартира оставалась общей, но на автоответчике появилась запись: «Вы позвонили Ирине Ливановой». Потом поползли слухи, что я бросил жену с ребенком, что у меня куча любовниц, хотя все одиннадцать лет никого, кроме Иры, не было. Она звонила моим знакомым, друзьям, родственникам в Киев, пытаясь всех настроить против меня... До сих пор не понимаю — почему бывшая жена так вела себя по отношению ко мне? Чем я заслужил эту ложь, ненависть?

— *А как вели себя в сложившейся ситуации ваши общие друзья?*